

СТЬ сходство в развитии великих творцов-исследователей. Мысль Б. М. Эйхенбаума — знатока наследия Л. Н. Толстого — о том, что литература, даже когда Толстой писал изо дня в день, не решала для него вопроса о жизни и деятельности, может быть с полным основанием отнесена и к Шостаковичу, если слово «литература» заменить словом «музыка».

Одна музыка, с какой бы полнотой он ей ни отдавался, не вмещала его огромных возможностей и духовной пытливости. Все в окружающем мире стремился он понять, познать. И чтение было важнейшей формой, средством такого активного, повседневного познания. В страсти, с какой Шостакович отдавался чтению, сказывалась его необычайная отзывчивость на идеально-художественные, социальные процессы жизни, что в конечном итоге определяло воздействие его музыки.

Чтение, как необходимость, входило в творческий процесс.

Утро начиналось с чтения газет и просмотра журналов как обязательной «разминки» перед трудовым днем: этой привычке не изменял, какая бы срочная работа ни предстояла. Сохранился перечень газет и журналов, выписавшихся Шостаковичем в 1935 году, — тринадцать наименований. Позднее эта цифра достигла тридцати: газеты «Правда», «Известия», «Труд», «Вечерняя Москва», «Советская Россия», «Советская культура», «Литературная газета», «Советский спорт» (будучи страстным любителем футбола, однажды даже опубликовал в этой газете футбольное обозрение), журналы «Новый мир», «Октябрь», «Нева», «Звезда», «Знамя», «Вопросы литературы», «Иностранный литература», «Юность», «Огонек», «Крокодил»... Ни один почтовый ящик не вмещал таких поступлений, почтальоны требовали для них специальную сумку. Куда бы ни уезжал, Шостакович всегда наказывал секретарю Зинаиде Александровне Гаймовой незамедлительно пересыпать не только письма, но и газеты, журналы, книги и ожидать их с нетерпением, особенно когда из-за болезни уже не мог сбегать поутру в газетный киоск.

Первыми книгами, прочитанными Шостаковичем в детстве, были «Зернышки», «Азбука-сейтель», детские календари Клавдии Владимиrowны Лукашевич, знакомившие с явлениями природы, биографиями выдающихся, верных долгу деятелей — доктора Ф. Гааза, астронома Ф. Семенова, поэта В. Жуковского. Книжки эти, как и имя их автора — К. В. Лукашевич, ныне забыты, а ведь требовательная Вера Панова недавно, в семидесятые годы, писала, вспоминая свое детство, что книги Лукашевич «отличались «направлением»... она сознательно стремилась сеять «разумное, добре, вечное» в сердцах читателей, и это ей удавалось. Она, как и Чарская, умерла уже после революции, их обеих забыли молниеносно, но почему не вспомнили о них никогда? Умеем ли мы хотя бы заставить читателя с интересом дочитать нашу книгу до последней строки? А они знали, как это делается».

Друг семьи Шостаковичей, К. В. Лукашевич опекала талантливого ребенка, хлопотала о нем перед Луначарским в трудные двадцатые годы, когда после кончины отца семья впала в нужду.

Семейная библиотека оскучала. Только книги Д. Мамина-Сибиряка, которые очень любила мать — Софья Васильевна Шостакович, — не пустили в продажу. Писатель жил неподалеку от Шостаковичей, в том же районе

Петербурга, близ Технологического института, и Софья Васильевна — сибирячка по происхождению, была с Маминым-Сибиряком знакома. Много лет спустя вышло так, что и похоронили мать Шостаковича на Волковом кладбище, рядом с могилой ее любимого писателя.

С первых самостоятельных шагов, как только творчество Дмитрия Шостаковича стало приносить и материальный заработка, в доме появился книгоноша — была такая форма снабжения книгами, которой композитор пользовался постоянно, пока книгоноша не упразднили. И тогда он стал книги выписывать, искать: занимался пополнением своей библиотеки систематически, но отбор был своеобразным. Под руками всегда были книги любимых писателей в простых изданиях: роскошных, подарочных избегал. Особый интерес проявлялся к исторической, мемуарной, биографической литературе, приобретал все военные мемуары, книги о военачальниках М. Фрунзе, В. Блюхере, А. Егорове, М. Тухачевском (с которым дружил), все книги серии «Жизнь замечательных людей».

удерживала целые страницы захвативших его текстов.

С огромным интересом и вниманием он относился к литературе исповедального характера: не отделяя личность творца от его творений, он всегда искал и ощущал в любом произведении отсвет создателя как человека, его очень занимала писательская психология — этим можно объяснить стремление к общению с писателями. Чрезвычайно стеснительный, деликатный, он, однако, в молодости сам отправился знакомиться с Э. Багрицким, подружился с замкнутым М. Зощенко, с другом Есенина — А. Мариенгофом (и привлек его к написанию оперного либретто по роману Л. Толстого «Воскресение»), ездил в Детское Село к Алексею Толстому и играл ему Первый фортепианный концерт, в последние годы, восхищаясь прозой Ч. Айтматова, звал его на квартирные репетиции, вел с ним беседы о Шекспире.

В чтении Шостакович не был сккупцом: понравившиеся тотчас же спешил поделиться. Письма его пестрят восторгами по поводу книг. По письмам ученикам можно составить внушительный спи-

радовался: как это здорово, хорошо сказано».

В свои рабочие тетради, задумывая новую кино-гоголиаду с музыкой Шостаковича, Козинцев записал обобщение — параллель: «Суть русского искусства (линия Гоголь — Достоевский — Мейерхольд — Шостакович) в том, что сгущение быта дает взрыв, катастрофу»; четырех великих художников объединял, как предвестников современного обновления искусства. В сатире, грохеске Гоголя Шостакович чутко ощущал мучительную, выстраданную боль за человека.

Чехов был близок с иной стороны. Не ранний, не юмористический. Музыку к постановке Мейерхольдом водевилей «Юбилей», «Медведь», «Предложение» Шостакович сочинял отказался.

С Чеховым находил общность психологическую, личностную, и потому писал о нем: «Читая его, я порой узнаю себя... Мне кажется, что я читаю мемуары обо мне». И далее, поясняя сказанное, Шостакович выделял прежде всего неугасавший чеховский интерес к жизни во всех ее проявлениях — «стремление, — как писал

ляя писателя с шестидесятилетием, Шостакович сообщал: «либретто готово, и я приступаю к сочинению». От задуманной камерной монодрамы «Черный монах» по Чехову осталась только великолепная обработка Серенады Гаэтано Брага, которая звучит в чеховской повести как лейтмотив.

Из перечисленных (в ответ на вопрос М. Шагинян) любимых писателей и поэтов весомое воплощение в музыке Шостаковича получил Пушкин — два вокальных цикла (в 1937 и 1951 году), Лермонтов представлен двумя романсами (1950). Гоголь — в центре новаторских оперных поисков: «Нос» (1928) и «Игроки» (1942), причем «Игроки» на полный, неизменный гоголовский текст, в доказательство того, что любое слово имеет музыкальный «эквивалент»; нужно только уметь его ощутить, выразить.

В поздние годы, когда Шостакович стал много внимания уделять текстовой музыке, — чтение его приобрело особенно четкий творчески-целеустремленный характер. Он и сам признавался: «Очень люблю читать. Но только читать — разве

ДМИТРИЙ ШОСТАКОВИЧ

Четверть века профессор С. М. Хентова изучает жизнь и творчество Д. Д. Шостаковича. Она автор одиннадцати книг, насыщенных богатейшими документальными материалами о великом композиторе.

К 80-летию со дня рождения великого мастера Ленинградское отделение издательства «Советский композитор» завершило выпуск двухтомника С. М. Хентовой «Шостакович. Жизнь и творчество». В этой фундаментальной работе уделено внимание и Шостаковичу как читателю, его литературным вкусам и их отражению в творчестве. По этим материалам автор подготовила для нас статью, которую мы публикуем.

Когда домашняя библиотека разрослась, он на заглавном листе каждой книги начал помечать порядковый номер и год приобретения. Иные подшивали просто — «легкий жанр». Уголок шкафа на даче в подмосковном поселке Жуковка, куда отвозил то, что перечитывал на досуге, отвел под книги с дарственными надписями — от М. Зощенко, А. Твардовского, С. Васильева, Г. Серебряковой, книге О. Берггольца «Узел» с посвящением — «Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу — самой музыке, преданно и нежно. Ольга Берггольц». После премьеры Четвертой симфонии Игорь Ильинский (с которым когда-то встречался, готовя музыку к спектаклю «Клоп» в Театре Вс. Мейерхольда) прислал том своих воспоминаний: «Прослушав замечательную музыку Четвертой симфонии, потрясенный и восхищенный, беру на себя смелость послать Вам мою книжку в знак любви и признательности».

В чтение, как и во все, что делал, Шостакович вносил порядок, систему. Каждую книгу или журнал сперва просматривал: владел даром быстрого, целостного охвата. Первому впечатлению доверял. Отобрав книгу для внимательного чтения, действовал методично. Описания природы, нравоучительные отступления часто пропускал, делая исключение лишь для Гоголя. Предпочитал острую сюжетность, психологические углубления; останавливался на таких главах, прочитывал их «заплом», не отрываясь, и цепкая память

композитор, — увидеть все своими глазами, понять, почувствовать самому», нравственную высоту писателя. «Биография Чехова, — считал Шостакович, — одна из наиболее чистых и благородных биографий». По статьям, письмам композитора видно, что Чехова он изучал, можно сказать, исследовал и потому мог заявить: «Если бы мне вдруг пришлось писать диссертацию о каком-нибудь из писателей, то я написал бы ее именно о Чехове, настолько он мне внутренне близок». Чехову подражал: в манере поведения, терпимости, деликатности, отзывчивости, в пристрастии к тому, что исследователь Чехова В. Лакшин называл «почтовой прозой» писателя: переписка Шостаковича, вернее, ответы его всем, кто к нему обращался, как и у Чехова, составляет несколько томов, к сожалению, еще не обработанных.

Отведенное Гоголю первое место, занятое сразу иочно, объяснялось не только тем, что было нечто родственное у молодого композитора с гоголевской незащищенностью, нервной чуткостью, остротой иронии. Из всех классиков Гоголь в двадцатые годы ближе всего стоял к молодому поколению оттого, что в стремительных переменах действительности фантастическое, невозможное сливалось с реальным. Сверстник и коллега Шостаковича по киноработе Г. Козинцев рассказывал, как в семнадцать лет он, подобно Шостаковичу, больше всего любил читать «Нос».

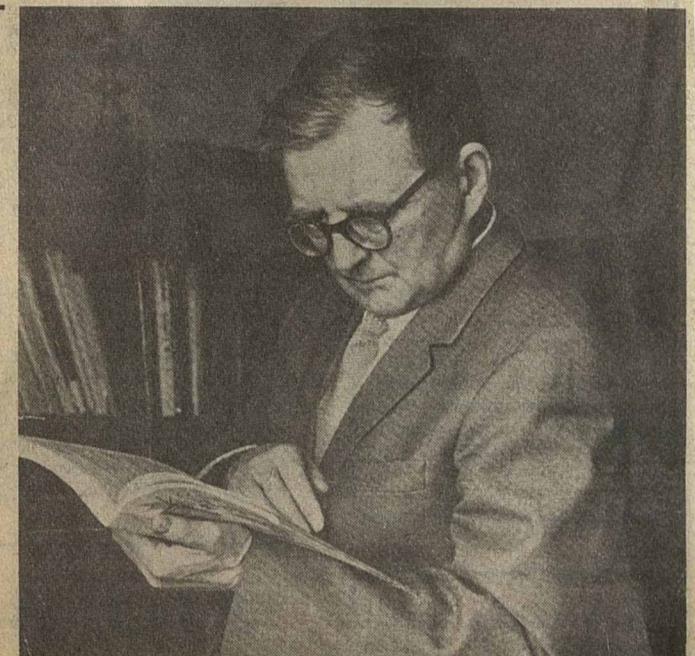
Первая встреча с юным Шостаковичем Козинцеву запомнилась так: «В его комнате стояла простая мебель, книги на этажерке, в большинстве русские классики. Говорил он обычными фразами, часто запинаясь, часто вспоминал наизусть цитаты из Чехова или из Гоголя и сам

композитор, — увидеть все своими глазами, понять, почувствовать самому», нравственную высоту писателя. «Биография Чехова, — считал Шостакович, — одна из наиболее чистых и благородных биографий». По статьям, письмам композитора видно, что Чехова он изучал, можно сказать, исследовал и потому мог заявить: «Если бы мне вдруг пришлось писать диссертацию о каком-нибудь из писателей, то я написал бы ее именно о Чехове, настолько он мне внутренне близок». Чехову подражал: в манере поведения, терпимости, деликатности, отзывчивости, в пристрастии к тому, что исследователь Чехова В. Лакшин называл «почтовой прозой» писателя: переписка Шостаковича, вернее, ответы его всем, кто к нему обращался, как и у Чехова, составляет несколько томов, к сожалению, еще не обработанных.

Рассказ Чехова «Гусев», полный сострадания к человеку, и воспоминания о Марине Цветаевой были последними страницами, прочитанными Шостаковичем 9 августа 1975 года, за несколько часов до кончины.

Какими же были соотношения читательских пристрастий Шостаковича с творчеством?

Они неоднозначны. От сочинения музыки к спектаклю «Баня» по Маяковскому отказался, комическая опера «Большая молния» на либретто Н. Асеева не получилась, безуспешными оказались попытки создания оперы «Тихий Дон» по роману М. Шолохова, хотя, поздрав

это досуг? Чтение, я бы сказал, это работа»: имел в виду изучение, прикидки источников для творчества. С этой точки зрения его интересует прежде всего современная поэзия.

Мощный импульс публицистическому симфонизму дают стихи Е. Евтушенко, использованные композитором в Тринадцатой симфонии и поэме «Казнь Степана Разина». Сам заказав А. Вознесенскому новый перевод сонетов Микеланджело, Шостакович потом не смог приспособить к переводу свою музыку, обратился к старому переводу А. Эфроса, дал название сонетам и выпустил вокальный цикл — одну из вершин философской лирики-исповеди гения.

На закате жизни Шостакович по-новому воспринимает уроки литературы. Как опору, помогающую преодолевать страдания, отвергать сочувствие. Из сопереживания возникает с литературой сокровенное единение.

Литература сливается с его музыкой, насыщает ее и в свою очередь благодаря музыке приближается к людям: стихи Рильке, Аполлинара, Кюхельбекера, Цветаевой, Микеланджело Буонарроти. Критерий отбора — яркий свет правды и соотнесенность с тем, что сам пережил и переживал. Очевиден подтекст: общность судеб творцов, служащих истине. В этом главный смысл итоговых вокальных циклов Шостаковича, могуче завершивших его великий творческий путь.

Софья ХЕНТОВА, профессор, доктор искусствоведения.